

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

ПОЭЗИЯ МАО ЦЗЭДУНА

Эта поэзия уникальна и поучительна во многих смыслах. Стихи писали первые лица государств и до Мао, и после него. Я не говорю о целом ряде древних китайских императоров, шахов Персии или таких персон европейского прошлого, как Шарль Орлеанский и Маргарита Наваррская. И. В. Сталин обратил на себя внимание знатоков литературы как поэт в ту пору, когда он мало кому был известен. И это было отнюдь не баловство, но поэзия весьма высокой пробы. Очень неплохие стихи писали деятели меньшего исторического масштаба, скажем, Ю. В. Андропов и Е. М. Примаков. Великолепные поэтические газели принадлежат перу аятоллы Хомейни.

Но речь идёт даже не о литературных достоинствах стихов китайского вождя. Они поражают глубиной, разносторонностью, слитностью мысли, слова и поступка, а самое главное – непреклонной пророческой убеждёностью. Кстати сказать, Мао признавался, что писал стихи всю жизнь, даже, как говорится, в седле в прямом и переносном смысле слова. Громадную литературную одарённость китайского вождя признавали при его жизни незаурядные интеллектуалы Европы, Северной и Латинской Америки. А уж об Азии и говорить не приходится. На Тайване, к примеру, известные поэты, весьма далёкие от маоизма, признавались, что учились поэтическому мастерству у Мао. Но, повторяю, покойный китайский вождь не только был очень хорошим поэтом, он был поэтом-пророком.

Чтобы обосновать эту мысль, я должен коснуться личности Мао Цзэдуна.

Я прочёл немало книг и статей об этом человеке, среди них выделю двух авторов: американца Эдгара Сноу и нашего “связного” между Сталиным и Мао Петра Парфёновича Владимирова. Настоящая его фамилия Власов, он отец известного в своё время штангиста Юрия Власова, который опубликовал позднее с разрешения властей регулярные сообщения отца о китайском вожде, которые он посылал Сталину. Это очень объективные, умные, а главное – лишённые даже тени эмоций наблюдения опытного разведчика, жившего бок о бок с Мао Цзэдуном в течение ряда лет с тридцатых годов до 1949-го, когда была провозглашена КНР.

Годы провёл рядом с великим китайцем и американец Эдгар Сноу. Он был журналистом по профессии, возможно, по совместительству тоже разведчиком. Но в отличие от Владимирова, он относился к Мао с нескрываемым восхищением, добился того, что китайский революционер вёл с ним многочасовые специальные беседы, где подробно изложил историю своей жизни. Эти беседы потом стали основой для книги самого Сноу и многих последующих биографий Мао, наших и западных.

Книги П. Владимирова и Э. Сноу, а также стихи вождя, в первую очередь, позволили мне представить себе облик гениального китайца.

Как я вижу его?

Если говорить языком мистики (а в жизни Мао было много таинственного), я вижу в нём своеобразную реинкарнацию одного из прежних, очень успешных владык Китая. Он жил так, как будто возвращал себе власть, принад-

лежавшую ему по естественному праву рождения. Сила, присущая Мао от природы, взращивалась и укреплялась благодаря следованию не только культурным и поэтическим, но и духовным традициям. Известно, что Мао был даосом и владел самыми разными тонкими практиками укрепления духа. Популярное в Китае высказывание, что хороший национальный политик, внешне оставаясь конфуцианцем, на внутреннем уровне становится даосом, в значительной степени применимо к Мао Цзэду.

Потому все, кто общался с Мао Цзэдуном, ощущали большую силу его личности, его пассионарность и целеустремлённость. Об этом врождённом ощущении величия свидетельствует трудная и стремительная карьера Мао, его умение бороться с внешними и внутренними противниками. Особенно с последними. При этом китайский лидер виртуозно, но вместе с тем и жестоко пользовался услугами и тех, и других.

Такие люди, как, скажем, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Дэн Сяопин, Лю Шаоци, Лин Бяо (сами по себе незаурядные личности), в разное время прямо или скрытно противостояли Мао и вынуждены были признать его превосходство, особенно в стратегии и в аппаратной борьбе. С другими он безжалостно расправлялся.

Будучи в тридцатые годы “твёрдым” марксистом-ленинцем, Мао не скрывал своего восхищения перед императорами древности, особенно теми, кто завоевал власть не по династическому праву, но пробился к ней, как говорят, “из грязи в князи”. По этой же причине Мао преклонялся перед личностью Наполеона. П. П. Владимиров докладывал И. В. Сталину о подобных пристрастиях китайского лидера, но тот, похоже, не придавал этому существенного значения, на всех этапах истории XX века поддерживал китайского вождя. Больше того, посмотрел сквозь пальцы на критические замечания Мао по адресу Кремля и по собственному адресу, о чём добросовестно информировал Москву Владимиров.

Отношения двух вождей складывались совсем не так безоблачно, как в известной песне, где “Сталин и Мао слушают нас”. Оба слушали не “нас”, но, говоря китайскими понятиями – Дао, русскими – Бога, европейскими – интуицию. Достаточно вчитаться внимательно в помещённые ниже стихи, а также в стихотворение Сталина “Послушник” (оно выложено в интернете). В стихотворении Мао Цзэдуна “Чанша” недвусмысленно говорится о том, что некие Силы управляют всем видимым миром, историей, людьми, замедляют или ускоряют наши стремления к власти. Данные вопросы гжучи, неотложны, с ними нельзя не считаться, потому что сегодня они манифестируют себя крайним и непредвиденным образом. Подлинная духовная элита – религиозные пророки и великие деятели культуры – веками предупреждала о последствиях нарушения глубинных нравственных законов бытия. Однако *воз и ныне там*.

Вполне возможно, что природные катастрофы, войны, революции и другие массовые неблагоприятия есть реакция невидимого Инобытия на современное поведение видимого человечества, особенно так называемой “элиты”. Именно она повсюду и во все времена заваривала революционную кашу и смуту, которую затем приходилось расхлёбывать жестоким диктаторам, “мясникам” истории, по определению обывателей. Этим диктаторам приходилось выводить целые народы из хаоса и тупиков с помощью насилия.

Мне могут возразить: был случай государственного выхода из тупика с помощью Ахимсы (ненасильственной борьбы). Да, такой случай был, но – как исключение из правила. И закончился разделением Индии на несколько частей, причём пролилось немало крови.

Но разговор о влиянии Инобытия, другими словами, Бога на ход истории, о “попущении” Им в критические периоды жестоких диктаторов не входит в задачу автора этих кратких заметок.

Вернусь к руководителям СССР и КНР. Несмотря на противоречия, оба лидера тесно взаимодействовали и поддерживали друг друга. Вообще всё китайское революционное движение, в особенности коммунистическое, развивалось под сильным влиянием И. В. Сталина. Под давлением советского вождя через каналы Коминтерна КПК и Гоминьдан вынуждены были на какое-то время прекратить распри и сообща бороться с японскими захватчиками. Оба сына и жена Мао в тридцатые-сороковые годы жили в Москве. Там же длительное время проживал сын Чан Кайши. Кстати, он впоследствии стал руководителем Тайваня и автором “тайваньского экономического чуда”.

Я говорил о противоречиях между двумя вождями. Конечно, они были, и личные, и политические. Но на контрапункте выстроены даже целые музыкальные симфонии. Кроме того, противоречия бывают творческие и разрушительные. Перефразируя известное китайское высказывание “Мао на 70% был прав, а на 30% ошибался”, можно сказать, что в отношениях Сталина и Мао на семьдесят процентов преобладали первые – творческие и позитивные факторы. Так говорил сам китайский вождь, и за ним повторяют его нынешние преемники. Великий китаец знал, что говорил. Ведь сам Бог, или Истина, есть не что иное, как величайшее Противоречие. Это уже слова известного православного богослова и философа Павла Флоренского.

Очень схожи жизненные пути двух вождей. Оба вышли из общественных низов, оба имели проблемы с отцами и нежнейшие отношения с матерями. Мать Мао была глубоко верующей буддисткой, страстно мечтала, чтобы сын стал буддийским монахом. Мать Сталина отдала юного Иосифа в духовную семинарию и видела сына будущим православным священником. Оба прошли через жестокие жизненные испытания и, может быть, ещё более жестокую внутрисполитическую борьбу, которая практически лишила сна В. И. Ленина и преждевременно свела его в мавзолей. Мао лёг в мавзолей в возрасте 82 лет, полностью выполнив свою жизненную сверхзадачу.

Не берусь также судить, сколько в Мао процентов марксизма, а сколько – конфуцианства или даосизма. Думаю, процентное соотношение теории и практики была примерно таким же, как у Ленина со Сталиным. Все три вождя опирались в своей деятельности не столько на “Капитал” К. Маркса, сколько на строчки из его частного письма о необходимости революционного перехвата власти и установления диктатуры пролетариата. Мао Цзэдун даже исправил слово “пролетариат” на “союз крестьянства с революционной буржуазией” в соответствии с реалиями Китая того времени.

Главное, что удалось сделать Ленину, Сталину и Мао Цзэдуну – всколыхнуть мир, прежде всего, Азию – Матерь всех религий и цивилизаций. Ленин первый высказал мысль о том, что союз России, Китая и Индии сделает коммунистические завоевания необратимыми. Эту мысль реализовали, в первую очередь, Сталин и Мао Цзэдун. Разумеется, их завоевания, которые стоили многих жизней, также были очень несовершенными. Но где, когда великие дела в мире обходились без великой крови? О бескровном развитии мира мы можем лишь мечтать и действовать в данном направлении. Однако, топча прошлое, как это делают нынешнее русские либералы, мы лишь накликиваем его одиозные эксцессы на свою голову. В точности по пословице: “Как аукнется, так и откликнется”. Китай в отношении к своему прошлому, даже очень жестокому, относится куда мудрее.

Затейный в XX веке великий коммунистический эксперимент – это, конечно, “лиха беда начало”. В шагах революционеров-первопроходцев лиха оказалось слишком много... Но жизнь в обществе потребления, которую нам предлагают сейчас, может закончиться катастрофой ещё более оглушительной и бесповоротной. Если так всё будет продолжаться, мы закончим “самопотреблением”.

Конечно, будущее единое человеческое сообщество будет строиться по иным лекалам. Оно непременно включит в свою конструкцию животворные коммунистические идеи Будды, Лао-цзы, Конфуция, Платона, Пифагора, Иисуса Христа, Магомета, Ганди, Неру, а также других великих светочей человечества. Как и когда это произойдёт, не знаю, но что так будет, уверен.

В большую Историю войдёт, несомненно, и Мао Цзэдун вместе с рядом своих соратников. Он грезил о большом скачке, совершал вроде бы странные поступки, такие как призыв к китайцам стрелять по воробьям или требования выплавлять металл кустарным способом. Однако не кто иной, как он, распахал почву для будущего поистине реального экономического и цивилизационного Скачка континентального Китая. Это признают сами авторы Скачка. Борясь с традициями прошлого и критикуя Конфуция, он, в конечном счёте, парадоксальным образом привёл Китай к ситуации, где идеи великого китайского мудреца почитаются на самом высоком уровне.

Наша история пошла, к сожалению, другим путём, нам навязали общество потребления...

Почему Китаю, в отличие от нас, удалось доказать жизнеспособность социалистических идей, следуя которым Поднебесная сегодня обгоняет западную

цивилизацию? Думается, не в последнюю очередь потому, что китайский марксизм на практике оказался в большей степени адаптирован к национальному менталитету жителей Поднебесной. А это заслуга Мао Цзэдуна с его патриотизмом и огромной любовью к Китаю (за всю свою большую жизнь Великий Кормчий был за границей два раза, и это был не Запад, а СССР).

Верю, что Большая История восстановит справедливые акценты и у нас. Восстанет и духовная традиция, и тогда нашей страной, как и всеми другими странами, ставшими на путь возрождения духа, будут править по “гамбургскому счёту” не какие-либо страны или глобальные центры, но Разум, неизмеримо превосходящий человеческий, оставляя относительную свободу выбора для разума людей.

Ветер Большой Истории дует сегодня на Восток, и Россия начинает улавливать его импульсы и следовать в этом направлении. Не всем это нравится. Сегодня, видя естественное тяготение России и Китая к союзу, прозападно настроенная “элита” пугает нас возможностью оккупации соседним гигантом районов Сибири и Дальнего Востока. Пусть успокоятся. Конечно, всё зависит от нас, и за единство страны нужно бороться, но я убеждён, что судьба Дальнего Востока в наших руках и что азиатская часть России – это не столько зона будущей борьбы и конкуренции, сколько зона развития и сотрудничества. Причём на сотрудничество обречены в хорошем смысле слова не только Китай и Россия, но и другие влиятельные страны Азии. Например, Индия, Иран, Вьетнам и прочие “азиатские драконы”.

Моё вступление к стихам Мао Цзэдуна затянулось, но это вовсе не потому, что я считаю Мао самым великим китайским поэтом. В этой стране немало мастеров более крупных, особенно в VII–X веках. Замечу, кстати, по обилию великих поэтов китайская литература – явление беспрецедентное в мировой культуре. Уникальность же Мао, повторяю, в его пророческом даре, который удивительно талантлив и в поэтическом отношении. Бесспорное свидетельство тому – публикуемая ниже подборка стихов китайского вождя.

Теперь о них.

Стихи написаны на веньяне – старокитайском письменном языке, давно вышедшем из практического употребления и превратившемся для китайцев в некое подобие латыни или древнеславянского. Дело в том, что политическая и экономическая революции восточного гиганта сопровождались также революцией языковой. Веньян в XX веке заменили на байхуа – так в Китае сегодня называется язык, на котором не только говорят, но и пишут, начиная с Лу Синя, Го Можо, Ай Цина и других языковых реформаторов. А вот “левак” в политике Мао Цзэдун в стихах остался верен веньяну. Что это означает? “Старый закал” или явную демонстрацию верности традициям? Думаю, второе. И это второе заставляет нас задуматься о многом не только в области поэзии, но и в области политики. Если, конечно, хотим быть успешными в этой сфере, а не по-маниловски завидовать китайцам.

Уже говорилось том, что стихи Мао Цзэдуна – крупное явление не только в китайской, но и в мировой поэзии. В России на эту сторону наследия покойного лидера Китая после публикации 1957 года почти не обращали внимания. Между тем, поэзия Мао Цзэдуна весьма высоко ценится в мире до сей поры. Впечатляет широта и разнообразие тем, затронутых в стихах, присутствие любовной и пейзажной лирики, философские раздумья, острая политическая сатира и отсутствие плакатности в произведениях революционной тематики – обо всем Мао умел говорить нетривиально и свежо. Привлекает в творчестве поэта-политика оригинальная связка новаторства и традиционализма. Ведь Мао писал на старом языке, но, как заметил поклонник таланта Великого Кормчего, американский литературовед Л. Бурман, китайский лидер вовсе не навязывал свою склонность к веньяну, даже “предупреждал, что молодой поэтм следует писать проще и не стоит тратить время на поиски соотношения традиции и современности”. Между тем, китайская молодёжь именно на эту сторону творчества Мао как раз и обратила внимание.

Китаевед Н. Азарова, утверждавшая, что Мао не просто хороший поэт, но “возможно, поэт первого ряда”, подчёркивала, что “для современных китайских поэтов Мао – поэт-новатор, стимулировавший поэтическую смелость в коммунистическом Китае”.

Стихи Мао Цзэдуна, не говоря о его политическом опыте, высоко ценятся в странах Латинской Америки и в Африке. Вспомним личные беседы Мао

Цзэдуна с легендарным Че Геварой, увлечение молодого Нельсона Манделы опытом борьбы китайского вождя.

Сам Мао относился к своему литературному творчеству чрезвычайно серьёзно, отводя ему вечерние и ночные часы как в походах, так и в условиях жесточайшей партийной борьбы. При этом он был человеком весьма скромным – решился на первую поэтическую публикацию только в шестидесятипятилетнем возрасте и спустя шесть лет после прихода к власти.

Замдиректора института Дальнего Востока профессор В. Мясников восхитался обширной библиотекой Мао, его образованием и самообразованием:

“Традиционализм впитывался Мао Цзэдуном со школьной скамьи, при чтении художественно-исторической литературы, посещении традиционного китайского театра и от уличных народных сказителей. Первым его учебником был конфуцианский канон “Луньюй”, который он часто цитировал. В яньаньских пещерах Мао постоянно вспоминал примеры из истории Китая, цитировал классические книги, особенно эпохи Чуньцю. В произведениях Мао часто встречаются упоминания сюжетов и персонажей исторических романов “Троецарствие”, “Речные заводы”, “Путешествие на Запад”, приводятся примеры из истории династий Цинь, Хань, Тан и Мин, когда известные полководцы с помощью более совершенной стратегии и тактики одерживали блистательные победы. Составление хитроумных планов стало в политике Китая традицией. От решений важнейших проблем и до народной игры в облавные шашки (вэнцзи) – всюду велось состязание в составлении стратегем”.

К концу жизни Мао Цзэдун достиг высоких степеней образованности. При этом рамки его читательских интересов всё время расширялись, он изучал древние и современные книги китайских и иностранных авторов, штудировав литературу по таким дисциплинам, как философия, логика, эстетика, религия, экономика, политика, военное дело, художественная литература, история, география, естественные науки, техника. Он знал западную философию, античность, Канта, Гегеля, мировую художественную классику. По широте образованности его можно сопоставить со Сталиным, чья библиотека насчитывала более 20 000 книг, испещрённых пометками. Мао не только сам много читал, но призывал и кадровых партийных работников образовывать себя. Любил повторять: “Век живи – век учись”.

Между прочим, в Китае существовала древняя традиция, которую хорошо было бы ввести и у нас: каждый чиновник обязан был сдать экзамен по разным дисциплинам, включая обязательное знание поэзии.

А. Н. Громыко, неоднократно встречавшийся с Мао Цзэдуном, заметил, что его визави “старую китайскую философию считал своим родным домом, основательно её штудировал и говорил об этом”.

Переворот, произведённый Мао Цзэдуном в китайской поэзии, внушительен. Можно сказать, что он повернул поэтический календарь Поднебесной с лунного на солнечный. Буквально это проявилось в том, что китайские поэты, ранее тяготевшие к воспеванию красоты лунного света в небе или на озере, стали писать о солнце. Но это не просто смена одного небесного объекта для поэтического вдохновения на другой. Все-таки луна – это отраженный, призрачный свет и символ более пассивного начала, в то время как солнце символизирует световую активность, ясность и волевое бытие. В творчестве таких поэтов, как Сы Тун, Го Можо, Ай Цин, Хай Цзы, появилось множество стихов, буквально пронизанных солнечным светом, оптимизмом, обращением к дао человеческой активности, воле, целеустремленности. Сегодняшний Китай развивается скорее под солнечным дао, нежели под лунным.

К сожалению, далеко не все переводы стихов Мао Цзэдуна передают его сложные образы и символику. В советское время его попытались причислить под народного поэта, что справедливо только отчасти: Мао одновременно со своей народностью элитарный поэт-традиционалист, поэзия которого многопланова и сложна. Очень часто уже подстрочник был выстроен в упрощённом идеологическом ключе.

Что касается сегодняшних переводов Мао Цзэдуна на русский, то многие и даже лучшие из них, с моей точки зрения, несколько перегружены китайскими терминами и попытками копировать китайское стихосложение, красоту которого не может дублировать ни один переводчик в мире. Кроме того, китайские иероглифы очень часто многозначны и позволяют широкий выбор значений при переводе. Это объясняет многие мои вольности, за что прошу извинить,

если далеко разошёлся с переводами коллег. Прежде всего, я стремился передать дух поэзии Мао Цзэдуна, как я его понимаю и чувствую.

Когда размышляешь о парадоксальной фигуре китайского лидера, который положил немалое количество людей во имя реализации своей мечты, и вспоминаешь слова Пушкина о несовместности гения и злодейства, то приходишь к неожиданной мысли: если перед нами столь сильные и яркие стихи, то, не оправдывая насилия, может быть, правильнее говорить не о злодействе, а о жестокой работе в Большой Истории? Ведь её (работу) тоже кто-то должен исполнять, тем более что в XX веке жестокость была не столько азиатским или советским, сколько мировым политическим трендом (Германия, Италия, Испания, Португалия, США с их бомбёжкой Хиросимы...). Убеждён, что сам лидер китайской революции, созидая эту историю, хорошо понимал, что будущее должно быть иным, более гуманным и светлым. Потому-то он периодически начинал заниматься таким сугубо мирным и прекрасным делом, как писание стихов. И это у него очень хорошо получалось.

МАО ЦЗЭДУН (1893–1976)

УЛЫБКА И ПЕСНЯ НА СМЕЛЫХ УСТАХ

ЛЮПАНЬШАНЬСКИЙ ХРЕБЕТ

*Высоко в небесах перелётные гуси
Покорить призывают пространства свои.
Если сдался препятствиям, если ты струсил,
Человеком Китая себя не зови.*

*Половина отечества пройдена нами,
Впереди возвышается древний хребет.
Водрузить предстоит там победное знамя,
А иного решения попросту нет.*

*Повинуемся зову хребта и закону —
Свяжем лапы верёвкой седому дракону.
1935*

ЧАНША*

*Днём осенним, сияющим солнечным днём
Я стою над рекой и любуюсь закатом,
Вижу горные склоны в наряде цветном,
Мандариновый остров и много загадок...*

---

* Родина Мао Цзэдуна.

*Реку север влечёт, а орла — небосвод,
Рыба плещется на мелководье.
Всё живое своим распорядком живёт,
Ухватившись за Чьи-то поводья.*

*По зелёному руслу великой реки
Целый день беспрерывно снуют челноки.*

*Наблюдая картины природы родной,
Величавой, могучей, спокойной, прекрасной,
Понимаешь: не мы управляем страной —
Кто-то более сильный, премудрый и властный...*

*Вспоминаю далёкое время своё,
Споры долгие, юные страсти.
Так хотелось страну и её бытиё
Подчинить нашей собственной власти!*

*Но житейские наши в пути челноки
Задержало течение Великой Реки.*

ВЕЛИКИЙ ПОХОД*

*По рекам, горам и полям мы прошли
С боями за год двадцать тысяч ли**.
Пять горных хребтов у нас за спиной.
Там снег по колено и скалы стеной.
Круты берега нами пройденных рек,
Стремителен был их течения бег.
Но мы одолели усталость и страх
Улыбкой и песней на смелых устах.*

БАШНЯ ЖЁЛТОГО АИСТА

*На востоке Янцзы,
Где притоки река собрала,
Башня древняя
В небе осеннем маячит.
Башня Жёлтого аиста***
Сердцу китайца мила,
Потому что приносит
Своим пилигримам удачу.*

*Признаюсь откровенно:
В местах этих не был давно.*

---

* Немногословный Великий Кормчий, как иногда всерьёз, а иногда с иронической усмешкой называют Мао Цзедуна историки, откликнулся на беспрецедентный поход китайской Красной армии стихотворением, где всего восемь строк. В них перечисляются, главным образом, географические точки похода, что массовому русскому читателю ничего не говорит. Зато любой китаец понимает масштабы и трудности великого военного Подвига. Я постарался освободить свой перевод от топонимов, акцентировал внимание на духе стихотворения и сдержанности автора. Оставил те же 8 строчек.

** Ли — 5,6 км. Таким образом, за один год — с октября 1934-го по октябрь 1935 года — китайская Красная армия прошла во время Великого Похода пешком (и лишь немногие солдаты на лошадях) 12 тысяч км, потеряв 90 процентов личного состава. Приходилось сражаться не только с гоминдановцами, но и с японскими захватчиками. Вот какие дела стоят за скупым стихотворением в восемь строк.

*** Сооружена в III веке на месте, где, по преданию, вознёсся в небо даосский святой.

*Наконец, побывал
На горе-Черепахе* в ненастье
И обычай исполнил —
Здесь выплеснул в реку вино.
Пусть вернётся в Китай
Жёлтый аист и счастье!*

ВОРОБЕЙ-МИРОТВОРЕЦ

*— Стреляй! Руби! Противника убей!
Слышна повсюду в мире канонада.
Дрожит в кустах от страха воробей:
— Сплошной кошмар! Бежать отсюда надо!*

*— Куда?
— Спасенье на святой горе.
— Но где такая?
— Договор подписан
О дружественной тройственной норе,
В ней рождено начало компромиссам**.*

*— Что за “начало”?
— Долгожданный мир,
Необходимый “просвещённым массам”,
Чтоб каждый гражданин вкушал кефир
С поджаренной картошкой и мясом***.*

*— Неужто так покончим беспредел?
— Прошу, не спрашивайте больше и не спорьте, —
Сказал воробушек и быстро улетел.
Но воздух предварительно испортил.*

ПРАЗДНИК ДВОЙНОЙ ДЕВЯТКИ*

*Люди ветшают быстро,
Небо стареть не хочет.
Правда, подули ветры,
Лето ушло, но затем
Праздник в Китай приходит
Нами любимый очень,
Праздник двойной девятки —
Осени и хризантем.*

*Ветры суровые дуют
На грозных полях сражений,
Случается непогода
И на полях труда.*

---

* Черепаха, согласно легенде, прародительница Поднебесной.

** Как впоследствии разъяснили пекинские комментаторы этих стихов, Мао Цзэдун имеет в виду Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, подписанный 5 августа 1963 года тремя державами — СССР, США и Великобританией.

*** Мао обыгрывает слова Хрущёва, сказанные в апреле 1964 года, что коммунизм для него — это полная тарелка гуляша для каждого советского гражданина. Гуляш на китайском языке — картошка с жареной говядиной. (Примечание агентства Синьхуа).

**** Девятого числа девятого месяца по китайскому лунному календарю.

*Очень люблю я осень —
Время борьбы и свершений,
Когда одета природа
В наряды из снега и льда.*

ПЛАВАНЬЕ*

*Я воду брал на язык
И рыбу ел из неё.
Потом переплыл Янцзы,
А думал, пlying, про своё:*

*Что лучше штормы и гром,
Свобода бегущей реки,
Чем старческий вздох о былом,
Чем мускулы слабой руки.*

*Мудрец** когда-то сказал,
Глядя в речной простор:
“Течение никто не связал,
Расчёт природы простой”.*

*Мы же построим мост,
Плотиной скрепим берега.
Расчёт наш точен и прост —
Пусть людям послужит река.*

*Вода светлей бирюзы
Течёт без конца в океан.
Может, богине Янцзы
Такой удивителен план...*

КУНЬЛУНЬ***

*Над Китаем царит несравненный Куньлунь,
Вся страна ему служит покорно.
Управляет погодой, движением лун,
К небу льды пододвинув спокойно.*

*Как дракон из нефрита, парит выше туч,
Мы от страха порою весенней
Цепенеем, когда, беспредельно могуч,
Шлёт разливы и землетрясения.*

*Я его вопрошаю:
— Куньлунь, почему
На себя ты взвалил столько власти?*

---

* Название сообщает реальный факт. В 1955 году, в возрасте 63 лет Мао “вразмашку” переплыл реку шириной более километра.

** Конфуций.

*** Куньлунь — самый высокий в северо-западном Китае горный хребет, отдельные вершины которого достигают высоты чуть ли не 8000 м. Отличается очень суровым климатом, активной тектонической деятельностью и практически безлюдьем, что для густонаселённого Китая не характерно. Самое интересное то, что фантастические мечты Мао о преобразовании природы Куньлуна в наши дни реализовались неожиданным образом. Здесь прорублена и отсыпана в горах многокилометровая железная дорога. Её отдельные участки пролегают на высоте свыше 5000 м. Это непревзойдённый в мире шедевр китайской инженерной мысли и искусства. В короткий срок создан уникальный мост Пекин — Гималаи, куда устремились туристы со всего мира.

*Неужели приятно челу твоему
Замышлять для Востока напасти?*

*Как опору найти и волшебный топор —
Разрубить твоё мощное тело
На три части? Слепое могущество гор
Справедливым и правильным сделать?*

*Часть одну я тогда европейцам отдам,
Часть другую — заносчивым Штатам.
Разумеется, третья останется нам.
И конец всем долгам и утратам!*

ЖЕНЩИНАМ, ОДЕТЫМ В ВОЕННУЮ ФОРМУ

*Солнце Китая восходит над миром,
Приоткрывая его красоту,
Вашим любитесь новым мундиром,
Вашим уменьем стоять на посту.*

*Как необычны такие стоянки,
Люди об этом не знали века,
Что научились носить китаянки
Форму солдата — не только шелка!*

МАМА

*С великой болью говорю о маме.
Она ведь так любила сыновей!
А я был занят всяким делами...
И вот скорблю и каюсь перед ней.*

*Все мамини заботы не забуду,
Она теперь живёт в иных мирах.
Как на земле, постичь стремится Будду*,
Которому дела земные — прах.*

*Над прахом мамы ныне тень скользит,
И дождь в родной деревне моросит.*

МАЛЬЧИК

*С мечтой добиться славы и успеха
Покинул мальчик деревенский дом,
В огромный город навсегда уехал.
Кто в юности не думал о таком?
“Умру, но не вернусь домой! —
В ту пору
Он думал так. — А где зароят прах,
Неважно. Главное — подняться в гору”.
(Он тосковал о жизненных горах.)*

---

* Мать Мао Цзэдуна была ревностной буддисткой.